

Прохоров Василий Александрович

**Материалы по истории
русских одежд и обстановки
жизни народной, издаваемые
по высочайшему
соизволению В. Прохоровым**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Александрович П.**
Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволению В. Прохоровым / Прохоров Василий Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 126 с.

ISBN 978-5-519-79718-4

ISBN 978-5-519-79718-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„цениннаго пола съ Десятиннымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, „ценинный полъ этихъ церквей Греки не могли при- „вести изъ Константинополя, но дѣлали его въ „Кіевѣ. Отъ нихъ могли научиться Русскіе обрабо- „тывать ценинныя произведенія въ XI вѣкѣ, какъ „они выучились тогда-же отъ грековъ иконопис- „ному дѣлу“.*)

Гораздо осторожнѣе и неопредѣленнѣе высказывается объ этомъ вопросѣ И. Е. Забѣлинъ:

„Муравленіе или глазуrowаніе глиняныхъ издѣлій безъ со- „мнѣнія, гораздо древнѣе финифтянаго дѣла. Къ намъ оно пере- „шло съ востока, можетъ быть изъ Византіи, а въ послѣдствіи „и отъ Татаръ, у которыхъ, какъ можно судить по недавно „открытымъ на мѣстѣ Золотой Орды, глазуrowанныя произве- „денія были въ большемъ употребленіи. Впрочемъ положи- „тельныхъ свидѣтельствъ мы объ этомъ не имѣемъ „и только нѣкоторые памятники, открытые въ древнѣйшихъ „кіевскихъ храмахъ, напр. половыя плитки, представляютъ „единственное достовѣрное указаніе, что глазуrowанныя глина- „ныя издѣлія были въ употребленіи у насъ еще въ X вѣкѣ“.**)

Этотъ послѣдній, крайне осторожный взглядъ, вѣроятно, гораздо ближе къ истинѣ, нежели взглядъ Сахарова, имѣющій конечно скорѣе патріотическую, чѣмъ строго научную под- кладку.

И въ самомъ дѣлѣ если-бы изразцы выдѣлывались у насъ уже въ XI в. и при томъ не только греческими, но даже и рус-

*) См. Зап. От. Р. и С. Арх. II. А. О-ва, т. I.

**) См. его «Ист. обзор. фин. и цен. дѣла въ Россіи».

скими мастерами, то они безъ всякаго сомнѣнія получили-бы широкое примѣненіе какъ въ Кіевскомъ, Новгородскомъ, такъ и вообще во всемъ нашемъ до — татарскомъ зодчествѣ. Но на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. И. Е. Забѣлинъ, писавшій о „ценинномъ дѣлѣ“ въ 1853 году, считалъ половыя плитки Десятинной и Ирининской церкви „единственнымъ достовѣрнымъ указаніемъ“ на то, что глазуrowанные издѣлія „были въ употребленіи у насъ еще въ X вѣкѣ“. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать слишкомъ лѣтъ, наша археологія далеко шагнула впередъ, посвѣтила не мало изслѣдованій кіевскимъ памятникамъ а пресловутыя плитки остаются по прежнему „единственнымъ“ достовѣрнымъ указаніемъ.

Что касается до тѣхъ сильно выпуклыхъ изразцовыхъ розетокъ, которыя украшаютъ въ настоящее время фризъ главъ нѣкоторыхъ кіевскихъ церквей и между прочимъ церкви Кіево-Печерской Лавры, то одного взгляда на нихъ достаточно, чтобы убѣдиться, что онѣ болѣе поздняго происхожденія и ничего общаго съ византійскимъ періодомъ не имѣютъ. Затѣмъ поливные изразцы, которые вмѣстѣ съ знаменитымъ кіевскимъ кладомъ были вырыты на землѣ г-на Есикорскаго *), и затѣмъ были выставлены А. В. Праховымъ въ И. Р. А. О-вѣ, въ засѣданіи 16-го Ноября 1885 года, также не византійскаго, а позднѣйшаго происхожденія..... И наконецъ при нашемъ личномъ изученіи кіевскихъ памятниковъ и при осмотрѣ чердаковъ тѣхъ кіевскихъ церквей, на которыхъ, какъ напр. на чердакѣ Св. Софіи, сохранились почти всей ихъ неприкосновен-

*) Близъ Софіи, Св. въ Кіевѣ.

ности древнѣйшія византійскія части, мы не замѣтили ни малѣйшихъ признаковъ, не только изразцовъ, но даже слѣдовъ какой-либо подготовки стѣнъ для ихъ принятія, напр. гнѣздъ, впадинъ и пр.

Могло-ли это быть такъ, если-бы въ Кіевѣ еще въ XI в. завелось изразцовое производство, какъ это предполагаетъ Сахаровъ? Конечно нѣтъ и по тому вѣрнѣе предположить, что изразцы въ нашемъ кіевскомъ искусствѣ примѣнялись рѣдко и привозились издалека. *)

Перейдемъ теперь къ Новгороду.

Въ зодчествѣ новгородской области встрѣчаются церкви, украшенныя изразцами, но всѣ онѣ позднѣйшія, XVII в. и относятся ко временамъ московскаго владычества, слѣдовательно къ данному случаю отношенія не имѣютъ. Затѣмъ въ алтарѣ Св. Софіи Новгородской, надъ горнимъ мѣстомъ, уцѣлѣло древнее стѣнное убранство чисто византійскаго стиля. Сахаровъ указываетъ на это убранство, какъ на одно изъ доказательствъ распространенія у насъ ценины въ XI в. „Такъ называемая мозаика Новгородскаго Софійскаго собора, „говоритъ онъ, есть настоящее ценинное украшеніе, состоящее „изъ стѣнной обкладки мѣста, находящагося въ алтарѣ, на „горнемъ мѣстѣ. Ценинное украшеніе тамъ выложено изъ „плиточекъ квадратныхъ и треугольныхъ, зеленоватаго, ко- „фейнаго и желтоватаго цвѣтовъ, похожихъ по виду на стекло, „но на самомъ дѣлѣ облитыхъ поливою. При первомъ взглядѣ „на эти плиточки нѣтъ ничего такого, чтобы обличало въ нихъ

*) «Былгородскіе изразцы» не противорѣчаютъ подобному предположенію, такъ какъ краткія указанія Г-на Хрущова (См. Источн. 17-й), а равно приложенныя къ его статьѣ наброски изразцовъ не представляютъ точныхъ данныхъ для отнесенія ихъ къ византійскому періоду.

„мозаику: кладка, форма лещадей и цвѣта прямо указываютъ „на ценину“.

Но это мнѣніе единичное.

Кеппенъ^{*)}, И. Е. Забѣлинъ,^{**)} архимандритъ Макарій^{***)} и наконецъ покойный И. И. Горностаевъ признаютъ это убранство „мозаикой“, а не цениной. Архимандритъ Макарій допускаетъ даже, и притомъ вполне справедливо, что эта мозаика можетъ быть признана не современною Новгородскому Софійскому собору (1052 г.), хотя во всякомъ случаѣ относится къ древнѣйшимъ временамъ его и является произведеніемъ византійскихъ художниковъ. — Въ этомъ случаѣ онъ какъ-бы сходится съ И. И. Горностаевымъ, который также полагаетъ, что она находилась прежде гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

И въ самомъ дѣлѣ достаточно взглянуть на эту мозаику, чтобы убѣдиться въ томъ, что она переложена: до того небрежно выполнены ея узоры.

Рѣшать вопросъ, по одному только виѣшнему виду этого украшенія, „мозаика“ оно или „ценина“, мы не беремся, потому что для этого надо-бы разломать часть его и взглянуть нижнюю сторону и внутренній составъ. Съ своей-же стороны мы полагаемъ, что если даже Сахаровъ и правъ, все же это доказательство весьма сомнительнаго свойства: это опять таки „единственный“ образчикъ ценины во всемъ новгородскомъ зодчествѣ древняго періода и въ добавокъ не принадлежащій

^{*)} Списокъ русскимъ памятникамъ Кеппена. М. 1822 г. № 7—12.

^{**)} З. И. А. О-ва, Т. VI, стр. 287.

^{***)} См. у арх. Макарія. часть I, стр. 43.

первоначальной Св. Софіи, а перенесенный въ нее потомъ, хотя и несомнѣнно византийскій.

Объ суздальскомъ періодѣ нашего зодчества мы и не говоримъ. Его храмы, сверху до низу усыянные обронными каменными украшеніями, не могли имѣть изразцовъ, по той простой причинѣ, что для нихъ даже и мѣста нѣтъ на фасадахъ: до того они заполнены всякими изображеніями.

Все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно показываетъ, что въ нашемъ зодествѣ до татарскаго періода поливные издѣлія употреблялись въ дѣло въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Но если изразцы были мало извѣстны въ до татарской Руси, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскіе хорошо съ ними впервые познакомились во время татарскаго господства и своихъ непосредственныхъ сношеній съ Ордою, въ домашнемъ быту которой изразцы и поливные издѣлія были въ большомъ употребленіи. Въ русской литературѣ извѣстія объ этомъ, чуть-ли не впервые, являются у Палласа*). Описывая развалины „Селитряннаго городка“, которыя въ его время еще довольно хорошо сохранились, онъ говоритъ: „на всѣхъ еще понынѣ оставшихся стѣнахъ, кои изъ прекрасныхъ кирпичныхъ плитъ весьма правильно построены, видны великолѣпіе и красота, какихъ я еще нигдѣ при татарскихъ развалинахъ не видывалъ. Внѣшняя сторона стѣнъ, не только по нѣкоторымъ пространствамъ, во всѣхъ уступахъ съ муравленными украшеніями изъ глины: зеленого, желтаго,

*) См. Петра Симопа Палласа: «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства». Перевелъ Василій Зуевъ. Спб. 1782 г.

бѣлаго и синяго цвѣта, треугольниками и другими фигурами украшена, но также въ главнѣйшемъ фасадѣ сего строенія, примѣтны остатки готической шекатуры, которыя такими же муравленными фигурами, представляющими цвѣты улитковаго изображенія, даже цѣлыми израсцами, на подобіе мозаики, усажена была*)“.

Затѣмъ весьма много данныхъ представили въ этомъ отношеніи раскопки, произведенныя въ 1843—1849 гг. на средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ А. В. Терещенкомъ въ развалинахъ Сарая, описаніе которыхъ было въ свое время неоднократно напечатано**). Мы не станемъ подробно касаться этихъ работъ, а укажемъ только тѣ находки, которыя для насъ наиболѣе важны, какъ напр. остатки комнатъ „обложенныхъ цвѣтнымъ изразцомъ и мозаикою“, съ поломъ „изъ голубого изразца“; печи, „выложенныя голубымъ изразцомъ“; тарелки „поливленныя“ (поливныя); изразцы „цвѣтные“, „мозаиковые“, „со слѣдами надписей и позолоты“; кувшины разнаго цвѣта: „одинъ шоколадный, другой узорчатый бѣло-голубой, третій круглый съ надписью вокругъ изъ голубой лазури“;—кувшинъ съ золотомъ и узорами, наведенными по „синему полю“ со внутренностью облитой „стеклообразною голубою эмалью“;—

*) Паласть, часть III, половина 2-ая, стр. 143—145.

**) См. 1) «Четырехлѣтіе, археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая». — Жур. Мин. Внут. Дѣлъ, кн. 9, 1847 г. 2) Тоже. Зап. Спб. Археолого-Нумизматическаго Слѣдств. Ч. II, 1850. и 3) Сѣверная Пчела — 1848—49 и 50 гг.

Часть этихъ находокъ хранится въ настоящее время въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ С.-Петербургѣ.

фаянсовые обломки покрыты „синевагою лазурью съ ярко-синими“ цвѣтами; наконецъ изразцы разныхъ цвѣтовъ: „желтаго, краснаго, синяго и голубого“.— Эти послѣдніе цвѣта встрѣчаются по свидѣтельству г-на Терещенка „чаще всего“. На основаніи этихъ данныхъ мы можемъ сдѣлать только два несомнѣнныхъ вывода: первый— что у татаръ было сильно развито изразчатое производство; и второй— что русскіе должны были хорошо ознакомиться съ изразцами въ Ордѣ. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы русскіе тотчасъ стали ихъ примѣнять и выдѣлывать у себя,—какъ это думаетъ тотъ-же Сахаровъ.

Самое большее, что мы можемъ допустить, это то, что у русскихъ была въ употребленіи ордынская поливная посуда, которая наравнѣ съ другими восточными товарами напр. съ тканями, оружіемъ и пр. могла привозиться въ Россіи „бесерменскими“ или восточными купцами. А потому всѣ дальнѣйшіе выводы относятся къ области предположеній, въ чемъ и убѣждаютъ насъ памятники нашего зодчества съ XIV по XVI вѣкъ. И въ самомъ дѣлѣ въ чемъ русскіе могли примѣнить у себя изразцы? Очевидно въ домахъ, печахъ и церквахъ. Но въ деревянныхъ домахъ нельзя употреблять изразцовъ, ни внутри, ни снаружи; а что дома были въ ту эпоху исключительно деревянные объ этомъ и говорить нечего. Что-же касается до печей, то хотя Сахаровъ и утверждаетъ, что „наши кафельныя печи явно указываютъ на татарское происхожденіе“, тѣмъ не менѣе всѣ дошедшіе до нашего времени печи никакихъ слѣдовъ татарскаго вліянія не представляютъ, а слѣдовательно онѣ въ счетъ итти не могутъ.

Остаются церкви.

Посмотримъ что онѣ намъ даютъ въ этомъ отношеніи.

Въ XIII вѣкѣ, послѣ татарскаго погрома, когда вся Россія представляла собою сплошное, залитое кровью пожарище построеніе каменныхъ церквей, кромѣ Новгорода, было величайшею рѣдкостью. Впрочемъ, какъ на исключеніе, мы можемъ указать на постройку въ Твери ц. Спаса въ 1285 году.

Первые каменные храмы въ Москвѣ начинаютъ появляться только при Іоаннѣ Калитѣ, а именно соборы: Успенскій — 1326 г., Спасъ на Бору — 1328 г. и Архангельскій 1333 г. Къ сожалѣнію эти памятники первой эпохи московскаго каменнаго зодчества, за исключеніемъ Спаса на Бору, въ конецъ изуродованнаго разными передѣлками и пристройками, до насъ не дошли. Но за то мы имѣемъ другіе довольно ранніе памятники нашего каменнаго зодчества, конца XIV и начала XV вѣка, а именно Звенигородскій Успенскій соборъ (около 1390 г.), Рождественскій соборъ Саввино-Сторожевскаго Монастыря*) (между 1398 и 1407 гг.), соборъ въ с. Микулинѣ-Городицѣ, Тверской губ., 1398 г., Троицкій соборъ въ Троицкой Лаврѣ 1423 г. и др. Что-же мы видимъ на этихъ памятникахъ? — Мы видимъ очень богатую оброчную орнаментику, въ видѣ поясовъ по срединѣ фасада или по карнизу алтарныхъ абсидъ**) и ни малѣйшихъ слѣдовъ изразцовъ. Тоже можно сказать и о болѣе позднихъ московскихъ памятникахъ, напр. о соборахъ Успенскомъ (1479 г.), Архангельскомъ (1509 г.) и о Вознесенской церкви, въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвою (1532); на нихъ также нѣтъ изразцовъ.

*) Московск. губ. Звенигородск. уѣзда.

**) Это, впрочемъ, къ Микулинскому собору не относится, такъ какъ въ настоящее время онъ имѣетъ совершенно гладкіе фасады.

Неужели-же Великіе Князья-строители, которые не падали никакихъ средствъ на благолѣшіе своихъ храмовъ, которые выписывали для нихъ зодчихъ изъ отдаленной Италіи и украшали ихъ „зѣло святыми иконами и великою добротою“, неужели-же эти Князья-строители поскупились-бы на такое блестящее украшеніе какъ изразцы. А между тѣмъ ихъ нѣтъ, и слѣдовательно это показываетъ, что даже въ началѣ XVI в. изразцы, если только они были, занимали весьма ничтожное мѣсто въ нашемъ зодчествѣ. Это предположеніе подтверждается еще слѣдующими данными: тѣ немногіе обломки изразцовъ, которые по своей орнаментикѣ могутъ быть отнесены къ XVI вѣку, и которые въ настоящее время хранятся въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ, поливы не имѣютъ.*)

Вообще надо полагать, что даже эти простыя, неполивныя гончарныя издѣлія (терракота) появились въ московскомъ зодчествѣ не раньше конца XV вѣка, какъ мы это можемъ напр. заключать по терракотовому баляснику церкви Печерской Божіей Матери (1486) въ кремлѣ московскомъ, или терракотовому поясу церкви Рождества-Богородицы въ Старомъ Симоновѣ, около Москвы, освященной въ 1509 году.

Пойдемъ далѣе и возьмемъ самый замѣчательный памятникъ второй половины XVI в. Василій Блаженный (1555 г.) — на немъ тоже нѣтъ изразцовъ.

Правда, извѣстно, что на немъ была надпись, выложенная

*) Восемь обломковъ, вырытыхъ въ московскомъ кремлѣ и одинъ цѣлый изразецъ, выкопанный Графомъ А. С. Уваровымъ во Владимірѣ, на мѣстѣ, гдѣ по предположенію, находилась велико-княжескій дворецъ. Два обломка опубликованы у Шохина. См. «детали» № 5.

изъ изразцовъ, и гласившая о построеніи собора**), но за то неизвѣстно, когда эта надпись была сдѣлана: въ XVI, или въ XVII вѣкѣ.

За XVII вѣкъ говорятъ слѣдующія обстоятельства:

Во первыхъ, если бы эта надпись была современна постройкѣ собора, то несомнѣнно, что строители изукрасили-бы соборъ изразцами и во многихъ другихъ мѣстахъ и притомъ не одними надписными, но и узорными; между тѣмъ таковыхъ нѣтъ и слѣдовъ;

Во вторыхъ, подобныя надписи были въ употребленіи въ XVII вѣкѣ, какъ мы это видимъ напр. на московской церкви Адріана и Наталіи.

И въ третьихъ, — на старомъ соборѣ въ г. Старицѣ, Тверской губ., была изразчатая надпись, которая въ настоящее время, послѣ сломки собора, вдѣлана въ стѣну новаго собора. И надпись эта, которая гласитъ, что соборъ былъ начатъ въ 1558 году и оконченъ въ 1561, и слѣдовательно по содержанію своему относится къ XVI в., „по языку и по право писанію признается сдѣланною въ концѣ XVII в.*)“.

Все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно убѣждаетъ насъ, что изразцы не имѣли почти никакого распространенія въ нашемъ зодчествѣ даже въ XVI вѣкѣ и что царство изразцовъ наступаетъ у насъ лишь въ XVII в. и въ особенности въ его второй половинѣ.

*) См. Л. Дала: «Борисоглѣбскій Соборъ въ г. Старицѣ». (Зодчій 1878 г., Мартъ).

**) Одинъ изъ этихъ изразцовъ хранится въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.